

575

БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ

✓ КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

35 № 8040

PetrCGB 00060253

63.3 (2P-6K)+

R

575

БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ

ВОСПОМИНАНИЯ

9173-15

ПЕТРОЗАВОДСК «КАРЕЛИЯ»

1983

02 10
932

~~Республиканская
государственная библиотека
г. Петрозаводск
АВТОГРАФ~~

63.3(2P —6K) + 63.3(2)722.5
Б75

— Под редакцией
Д. Я. Гусарова

Б $\frac{0505040000-021}{M127(03)-83}$ 4-83

© «Карелия», 1983

У этой книги, как, наверное, и у каждой, своя предистория.

Летом 1975 года в Петрозаводске и Ладве проходила встреча бывших бойцов и командиров партизанского отряда «Боевые друзья», посвященная 30-летию Победы в Великой Отечественной войне.

То были трогательные и незабываемые дни. Мы как бы вернулись опять в свою военную юность. Нам — постаревшим, седеющим, потрепанным жизненными испытаниями и хворями — нелегко было снова стать такими, какими мы были три с лишним десятилетия назад, но мы старались изо всех сил, мы словно забыли о возрасте, и трое суток пролетели как один волнующий и счастливый день.

Мы как бы заново узнавали друг друга. Ведь у каждого позади долгая послевоенная судьба. Расспросы о нынешнем незаметно переходили в воспоминания о давнем — о боях и походах, о тех, кто навеки остался на длинных и трудных партизанских тропах.

Многих, очень многих уже не было и не могло быть тогда с нами!

Память о павших, желание сохранить для потомков их светлые имена и навели нас тогда на мысль о книге, которая рассказала бы о боевом пути партизанского отряда.

Мысль эта возникла вначале как далекая и почти неосуществимая мечта. Но потом оказалось, что у бывшего комиссара отряда П. Д. Поварова сохранились дневники за 1942 и 1943 годы, что краткие дневниковые записи вел в 1944 году и помощник комиссара по комсомолу И. А. Комиссаров. А позже выяснилось, что заместитель командира

отряда по разведке В. Г. Юриков уже давно работает над воспоминаниями о действиях отряда со дня его организации до весны 1942 года.

Так родилась эта несколько необычная книга.

По содержанию и композиции она последовательно вобрала в себя весь боевой путь партизанского отряда «Боевые друзья» от момента его организации летом 1941 года до победного парада партизан в освобожденном Петрозаводске 8 октября 1944 года. Авторы и издатели стремились сделать книгу строго документальной, сверяя факты и события с архивными материалами.

В жанровом отношении — это мемуары, каждая из трех частей которых написана отдельным автором и потому несет в себе определенные черты и особенности, свойственные самому мемуаристу.

Сорок лет отделяют нас от событий, которым посвящена эта книга, рассказывающая о делах и людях небольшого партизанского отряда.

Возможно, любители военных приключений в литературе будут несколько разочарованы — они не найдут в этой книге захватывающих дух, необыкновенных походов и сюжетных хитросплетений, к каким привыкли по некоторым партизанским произведениям иного жанра. Таких читателей надо сразу предупредить — книга не об этом.

Книга эта — о каждодневном мужестве рядовых советских людей, в тяжкую для Родины пору взявших добровольно в руки оружие.

Книга эта — правдивый и достоверный рассказ о трудностях партизанской войны в условиях Карелии, о патриотизме, о скромности истинного героизма.

Думается, эти качества книги не останутся незамеченными читателями.

Д. Гусаров

В. Г. Юриков

УХОДИЛИ В ПОХОД ПАРТИЗАНЫ

I. ОТРЯД ПОЛУЧАЕТ ИМЯ

Решение просить направить меня на выполнение боевого или любого другого специального задания в тылу врага созрело утром 3 июля 1941 года, когда я слушал по радио речь И. В. Сталина.

В ту пору я работал в аппарате Наркомата госбезопасности Карело-Финской ССР и, конечно, не был волен выбирать себе место в борьбе с врагом. Я даже не представлял конкретно, чем могу быть полезен и к чему надо готовиться, но в тот же день написал рапорт и отнес в приемную наркома. Вручая его секретарю, увидел, что в папке мой рапорт уже далеко не первый. Неужели опоздал, промедлил?..

Но мои переживания оказались напрасными. Назавтра утром меня вызвали к наркому М. И. Баскакову. Когда я вошел в кабинет, Михаил Иванович предложил сесть и, будто продолжая прерванный разговор, спросил:

Василий Гаврилович Юриков родился 10 марта 1914 года в Ленинградской области. С 1929 года работал на предприятиях Ленинграда, с 1939 года — в органах госбезопасности в Ленинграде, затем в Карелии, а с ноября 1957 года — в Ульяновской области. Демобилизован в 1964 году в звании полковника.

С июля 1941 по июнь 1942 года В. Г. Юриков являлся помощником командира партизанского отряда «Боевые друзья» по разведке (заместителем командира отряда), временно исполнял обязанности комиссара и командира отряда. Был ранен. В. Г. Юриков награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, одиннадцатью медалями. В настоящее время пенсионер, живет в Ленинграде.

— Ну как, не передумали за ночь?

Признаться, я не ожидал такого вопроса и смутился. Здесь же присутствовал заместитель наркома, в прямом подчинении которого я находился, а я еще не доложил ему о своем решении и более того — подал рапорт через его голову. Однако быстро овладев собой, я встал и подчеркнуто официально ответил:

— Нет, товарищ народный комиссар, не передумал. Решение мое твердое.

— Хорошо. Садитесь.— Михаил Иванович внимательно поглядел мне в глаза, потом позвонил кому-то по телефону, договорился о встрече. Положив трубку, долго молчал и наконец медленно произнес: — Подумайте, Василий Гаврилович. Еще не поздно отказаться. У вас есть на раздумье несколько часов.

— У меня все решено, товарищ нарком.

Баскаков поднял от стола голову — глаза наши вновь встретились — и все так же медленно и спокойно продолжал:

— О чем думать и что решать — могу ориентировочно сказать. Буду предлагать вас на должность помощника командира партизанского отряда по разведке. Решайте один. Советоваться ни с кем не надо. Жену тоже не посвящайте, сами понимаете — она в таком деле не советчик. И не беспокойтесь о ней — без помощи Марию Васильевну не оставим... И договоримся: если примете другое решение, то у нас никакого разговора на эту тему не было. Если не передумаете — в семнадцать часов будьте в приемной.

Давая понять, что разговор окончен, Михаил Иванович занялся бумагами, а я под сильным впечатлением от этой беседы вышел из кабинета, забыв о положенном этикете.

... Теперь, вспоминая тот день, нелишне заметить, что свое слово нарком сдержал. Эвакуация семей сотрудников наркомата проходила в большой спешке и сложных условиях — враг стремительно приближался к Петрозаводску. Не удивительно, что кто-то забыл сообщить моей жене время явки на вокзал. Когда же посадка закончилась и до отправления поезда оставалось совсем мало времени, выяснилось, что среди эвакуируемых Марии Васильевны нет. Узнав об этом, Михаил Иванович задержал отправку эшелона и послал на своем «козлике» одного из сотрудников с приказом немедленно доставить ее на вокзал.

Обо всем этом я узнал через год, а в тот день, ровно в 17.30, мы с Михаилом Ивановичем входили в кабинет

первого заместителя председателя Совета Народных Комиссаров КФССР М. Я. Исакова. Естественно, я тогда не знал, что, выполняя указания ЦК ВКП(б), бюро ЦК Компартии республики 2 июля 1941 года приняло решение о формировании партизанских отрядов, а для руководства этим делом создало «тройку» во главе с Исаковым.

О деятельности Михаила Яковлевича на посту организатора и первого руководителя партизанского движения в Карелии хорошо сказано в характеристике от 17 февраля 1943 года:

«...Товарищ Исаков М. Я. со 2 июля 1941 года состоял членом тройки партизанского движения на территории КФССР. Позднее, с августа до 20 октября этого же года, был командиром штаба партизанских отрядов. За это время непосредственно вел всю организаторскую работу по указанию ЦК КП(б) КФССР и осуществлял руководство партизанскими отрядами. Непосредственно занимался комплектованием личного состава партизанских отрядов и подбором кадров командного состава. Разрабатывал оперативные приказы на боевые операции, лично выезжал к базам отрядов, проводил разбор боевых операций и давал практические указания. Организовывал и проводил материальное обеспечение отрядов и оказывал материальную помощь семьям партизан...»

Беседа с Михаилом Яковлевичем была душевной и непринужденной. Он тепло, по-отечески расспросил о моей личной жизни, учебе, работе, выяснил, видимо особо интересовавшие его, мои познания в области разведки и контрразведки. Потом довольно подробно говорил о задачах коммунистов — партизан и подпольщиков — на оккупированной врагом территории. Закончил беседу примерно так:

— Ну вот, должность, права и обязанности вам дали, а партизанского отряда нет. Его надо быстро создать. Отсюда ваша первая боевая задача: получайте выделенное оружие, боеприпасы и выезжайте в Медвежьегорск. Там вас ждут не позднее 9 июля. Вопрос о командире и комиссаре еще не решен, поэтому, прибыв в Медвежьегорск, свяжитесь с первым секретарем райкома партии Арсением Васильевичем Денисовым и немедленно приступайте к формированию отряда.

М. Я. Исаков дал мне несколько советов, как и из кого формировать отряд. Предупредил, что о создании партизанского отряда никто не должен знать, кроме строго ограниченного круга лиц.

Отведенного времени едва хватило на сдачу служебных дел и получение оружия. Наконец все позади — в машине 75 винтовок, половина из которых польского производства, два английских пулемета «Льюис» и боеприпасы к ним. Не густо, конечно, но по тем временам и это представлялось грозным оружием.

Перед самым отъездом мне вручили удостоверение № 1530 от 9 июля 1941 года, в котором говорилось:

«Дано тов. Юрикову Василию Гавриловичу в том, что он командирован в Медвежьегорский район Карело-Финской ССР для выполнения специальных заданий.

Командиров воинских частей и начальников погранотрядов тов. Юрикову просим оказывать помощь и содействие.

Секретарь ЦК КП(б) КФССР — Варламов
Нач. погранвойск НКВД и командующий тылом 7-й армии — Долматов
Нарком госбезопасности КФССР майор госбезопасности — Баскаков».

В Медвежьегорске меня немедленно принял первый секретарь райкома А. В. Денисов, и мы подробно обговорили все практические вопросы, связанные с формированием отряда.

Арсений Васильевич передал мне заранее подготовленный список партийно-хозяйственного и комсомольского актива района с соответствующими пометками, а для бесед с желающими вступить в партизанский отряд выделил три комнаты в парткабинете райкома партии, располагавшегося на улице Карла Маркса.

В середине июля в Медвежьегорск прибыли Леонтий Павлович Жарков, назначенный командиром отряда, и комиссар Владимир Митрофанович Поляков.

К этому времени предварительная работа по формированию отряда была проведена: в списках значилось около 150 добровольцев.

С прибытием Л. П. Жаркова и В. М. Полякова начался более тщательный, индивидуальный отбор и принималось окончательное решение о зачислении в отряд.

Как это делалось?

Все предварительно отобранные кандидаты в партизаны приглашались в парткабинет райкома партии, где Л. П. Жарков, В. М. Поляков и я проводили индивидуальные беседы. Мы стремились оценить не только личные политические и деловые качества каждого желающего

вступить в отряд, не только его морально-психологическую готовность, но прежде всего — способность выполнять боевые задания в сложных и трудных условиях вражеского тыла, готовность к лишениям, страданиям, голоду, холоду.

Мы, конечно, понимали, что тот, кто идет в партизанский отряд, — настоящий советский патриот, что он, если надо, не пожалеет своей жизни за Советскую власть, за Родину, за партию.

Но мы сознавали и то, что для партизана этого мало. В партизанской жизни могут сложиться такие обстоятельства, при которых погибнуть — благо... Каждый ли способен выдержать, выстоять, перенести страдания и пытки ради общего дела, ради спасения товарищей, ради нашей победы?

Мы стремились к тому, чтобы каждый, с кем шел разговор, понял это и, принимая окончательное решение, отчетливо представлял, что его может ожидать. Мы подчеркивали, что вступление в отряд — дело совершенно добровольное, и никто не осудит и даже не упрекнет, если человек честно скажет о своих малейших колебаниях.

И что же? Почти каждый твердо отвечал, что давно все обдумал, знает, на что идет, и идет добровольно и сознательно. Если же мы чувствовали, что собеседник начинал сомневаться в своей стойкости к физическим страданиям, то отпускали его и в отряд вступать не советовали. Но таких было мало. Помню только один случай, когда кандидат в партизаны признался, что при сильных физических болях он теряет самообладание. Но если, мол, надо, он будет держаться. Рисковать, конечно, мы не стали и, как говорится, отпустили этого товарища с миром.

С особой тщательностью подходили к зачислению в отряд женщин. Часто беседы с девушками носили довольно странный характер. Если вспомнить, например, наши разговоры с Олей Пахомовой или Асей Тимофеевой, то мы — организаторы отряда — тратили все свое красноречие, чтобы доказать, что девушкам трудностей партизанской жизни не выдержать. Каких только страстей мы им не наговорили! Но они были непреклонны.

Забегая вперед, скажу, что все зачисленные тогда в отряд девушки: О. П. Пахомова, Н. З. Теппоева, А. Г. Тимофеева, Е. В. Власова, А. В. Каданцева — доказали в последующем, что их выносливости, стойкости и готовности к самопожертвованию могли бы позавидовать многие мужчины.

Да, нельзя без волнения и восхищения вспомнить те отчаянно трудные для Родины дни, когда люди с беззаветной страстью стремились в самое пекло борьбы с врагом, на самые тяжелые ее участки: на фронт, в партизаны, в подпольщики...

О том, что формируется партизанский отряд, в Медвежьегорске знали немногие, но люди сами шли в райкомы партии и комсомола, в райсовет и военкомат, требуя использовать их в партизанской борьбе в тылу противника. Это не было показным патриотизмом. Это был зов сердца, понимание, что предстоит жестокая и кровавая война, что дело идет о жизни и смерти советского народа.

Вот почему мы не испытывали недостатка в желающих вступить в отряд. Наоборот, мы столкнулись с необходимостью отказывать значительному числу добровольцев. А делать это было нелегко.

Многие руководящие работники Медвежьегорского райкома партии и райсовета ставили вопрос о зачислении их в партизаны. Просились в отряд секретарь райкома по кадрам Павел Данилович Панасюженков и председатель райисполкома Александр Васильевич Смирнов, а первый секретарь райкома Арсений Васильевич Денисов, несмотря на болезнь, много раз обращался с такой просьбой в ЦК КП(б) республики, но получал отказ и тяжело переживал это.

Арсений Васильевич пользовался огромным авторитетом в районе и, как мне кажется, в республике. Это был человек, у которого исключительно гармонично сочетались твердая воля, упорство в достижении цели и душевная теплота. С первого знакомства он располагал к себе, и общение с ним, служебное или личное, всегда приносило чувство удовлетворенности.

Будучи уже тогда серьезно больным, он и виду не показывал, какие физические страдания переносит. Война свалила на райком массу неотложных, непривычных и нелегких дел, но Денисов не только находил время интересоваться, как у нас идут дела, а нередко лично активно подключался к решению наиболее трудных вопросов.

Хорошо сохранилось в памяти первое партизанское собрание, состоявшееся в лесу западнее Медвежьегорска 8 августа 1941 года. Провести такое собрание предложил Арсений Васильевич, и проходило оно под его непосредственным руководством.

Помнится, А. В. Денисов сделал сообщение о положении дел на фронтах, в частности на Карельском фронте.

Особенно подробно говорил он о медвежьегорском направлении. Рассказал о подвигах наших славных воинов и партизан, о ратных делах некоторых земляков-медвежьегорцев.

Вообще надо сказать, что Арсений Васильевич обладал удивительной способностью вдохновлять людей.

Памятно это собрание еще и потому, что на нем наш отряд получил имя. Когда обсуждался этот вопрос, было, конечно, внесено много разных предложений. Арсений Васильевич внимательно всех выслушал, а затем сказал:

— Дорогие товарищи и друзья! Я знаю — в партизанский отряд пришли лучшие люди района, люди высокого патриотического долга, люди, способные и готовые выдержать любые испытания и трудности. Районный комитет партии уверен, что все вы честно выполните свой патриотический долг, преодолете все трудности и никогда не спусчете перед врагом. А чтобы так было, надо к патриотическому порыву каждого из вас приложить единый крепкий и хорошо спаянный боевой дружбой коллектив. А не дать ли нашему отряду имя «Боевые друзья»? Как думаете, товарищи?

Предложение первого секретаря райкома партии пришлось всем по душе и было единодушно принято.

Казалось бы — пустяк, мелочь, не очень-то существенная в ряду других деталей! А вот получил отряд название — и люди сразу почувствовали себя единой семьей, и стало это небольшое событие памятным в истории партизанского отряда.

Теперь можно было сказать, что формирование отряда завершено, но чтобы стал он настоящей слаженной боевой единицей, предстояло многое сделать, и в первую очередь — овладеть воинским мастерством.

Многие партизаны не служили в армии и даже не умели пользоваться винтовкой. Разумеется, собрать весь отряд в одном месте мы не могли по многим причинам, главной из которых, пожалуй, была необходимость сохранить тайну. Поэтому военную подготовку бойцы проходили в составе истребительных батальонов по месту проживания зачисленных в отряд партизан — в Медвежьегорске, Сегеже, Паданах, Шунье, Масельгской. Организацию подготовки партизан в Медвежьегорске поручили мне, в Заонежский район выехал командир отряда Л. П. Жарков, а в Сегозерский — комиссар В. М. Поляков.

Основное внимание уделялось изучению стрелкового оружия (винтовка, автомат, пулемет) и умению пользоваться им в бою. Кроме того, в Медвежьегорске была создана

особая группа подрывников, которая по договоренности с военными училась минировать шоссе и дороги, мосты и железнодорожное полотно, делать лесные завалы, пользоваться всеми видами фугасов и гранат. Эту группу возглавлял командир отделения И. С. Григорьев. После завершения подготовки группа была расформирована, а обученные подрывники распределены по взводам отряда.

Одновременно специально выделенная группа партизан производила закладку продовольственных баз западнее Медвежьегорска. Было заложено четыре или пять баз. Кстати, один только перечень продуктов свидетельствует о том, какую большую заботу проявили о партизанах руководители Медвежьегорского района. Несмотря на трудности военного времени, на базах был заложен двухнедельный запас крупы, сахара, квашеной капусты, соли, колбасы, сгущенного молока, галет, печенья, консервов, чая, шоколада, сухарей, сала, шпика, ветчины, а также махорка, спички, мыло, бензин, керосин, топоры, пилы, лопаты, ведра и другое имущество.

Надо сказать, партизаны добросовестно выполняли функции бойцов истребительных батальонов — несли патрульную службу, охраняли важные объекты и общественный порядок в своих населенных пунктах, выезжали на розыск и ликвидацию вражеских разведчиков и диверсантов. Особенно активно в этом направлении использовались будущие партизаны Медвежьегорска и Падан.

В конце августа 1941 года группе партизан, входивших в состав Сегозерского истребительного батальона, было поручено разведать прифронтовую полосу в районе Сельга — Гимолы и, в частности, узнать, имеется ли в Гимолах вражеский гарнизон, и если имеется, то установить его численность и вооружение. Группа больше недели провела в тылу противника, после чего вернулась без потерь в Паданы. Возглавляли группу командир отряда Л. П. Жарков и комиссар В. М. Поляков.

В одном из писем ко мне участник этой разведки бывший парторг ЦК КП(б) КФССР в Паданском леспрохозе, а впоследствии комиссар отряда «Боевые друзья» П. Д. Поваров вспоминал, что тогда наблюдением было установлено наличие в Гимолах крупного гарнизона и свежих окопов вокруг деревни и что противник ночью занимал оборонительные сооружения, а днем отходил в деревню на отдых, оставляя «секреты».

Однако этих данных оказалось недостаточно. Было

решено проникнуть в саму деревню и подробнее разведать систему ее обороны.

Л. П. Жарков обратился к партизанам с вопросом: кто добровольно пойдет на задание? Желающих оказалось много, но ходили в деревню только несколько человек. Среди них были инспектор ЦСУ З. Г. Агафонов, председатель райсовета Осоавиахима А. В. Васильев, заведующий Паданским Домом культуры А. М. Кухарь и П. Д. Поваров.

Анатолий Михайлович Кухарь вспоминает: «Подполз я к дворам деревни по открытому полю. Зайдя в коровник одного дома, без труда проник в сени, а затем в горницу, где многое говорило о том, что хозяева не так давно покинули обжитый дом, а теперь в нем орудовали захватчики...

На столе были пустые консервные банки с нерусскими названиями и остатки пищи, всюду валялись окурки, спички. Покинув этот дом, я таким же образом проник во второй, где была такая же картина. Когда я подошел к окну и выглянул, то увидел финского солдата... Не знаю, увидел меня солдат или нет, но я решил быстрее покинуть этот дом, так как был без оружия...

Когда возвращался из деревни к своим, то не знаю, что я больше делал — полз по-пластунски или бежал... Вот только тут я понял, что такое быть в разведке без оружия... И когда я уже, перепрыгнув через забор, встретился со своими, то с той стороны, откуда я только что пришел, ударил короткими очередями станковый пулемет, а затем заговорили автоматы... Вел нас в Гимолы и обратно по тропам, известным только ему одному, паданский старожил С. К. Локкин.

В конце похода, перед строем, подвели итоги и отличившимся объявили благодарность. В их числе был я... Благодарность тогда была для меня как самая большая награда, так как я был в одном строю с людьми, которые были старше меня и опытнее...»

В то время Анатолию Кухарю было 18 лет.

II. НА «ОБКАТКУ»

Между тем положение на Карельском фронте с каждым днем заметно осложнялось. Нависла непосредственная угроза захвата противником Медвежьегорского района. Вернее сказать, не захвата противником, а оставления нашими войсками по приказу, так как оборонявшийся на